

Е. Ю. Захарова

ТБИЛИССКАЯ УЛИЦА КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГРУЗИИ

Еще недавно в городах Грузии одним из важнейших организующих молодежь социальных институтов была «улица». От носителей городской культуры часто можно услышать рассуждения об «академии улицы», это устойчивое словосочетание подчеркивает важнейшую социализирующую роль, которая отводилась культурой этому «официально не признанному учебному заведению». Говоря об улице, я имею в виду характерное для Тбилиси и для многих других городов Грузии (если не для всех) специфическое дискурсивное пространство и пространство практик. В сознании носителей грузинской городской культуры «улица» — это особая среда, которая вызывает целый спектр ассоциаций с «разборками», «воровским менталитетом», «уличными понятиями», жизнью городских кварталов — *убани*.

«Улица» до последнего времени играла важнейшую роль в построении социальных сетей, обеспечивая налаживание связей между молодыми людьми сначала внутри своего квартала, а потом распространяя их все шире и шире, так что паутина знакомств постепенно покрывала всю карту города. Одним из ключевых институтов для соседского сообщества, а также для тбилисской уличной культуры в целом являются мужские квартальные группы сверстников, образующиеся по месту жительства. Эти группы, для обозначения которых я буду использовать внутренний термин «биржа», я отношу к кругу явлений, которые в англоязычной литературе обычно классифицируются как *street corner societies* — сообщества на углу улицы. Вслед за одним из значений этого слова в грузинском языке я понимаю под биржами мужские группы сверстников, которые принадлежат к соседскому сообществу того или иного квартала и взаимодействуют преимущественно в его публичном пространстве. Если мы обратимся к исследованиям уличных сообществ в разных культурах, а также к истории собственно тбилисских бирж, то обнаружим, что в зависимости от общественного, экономического и исторического контекста подобные сообщества могут принимать разные формы — от досуговых групп по месту жительства до группировок с четко прослеживаемой структу-

пой, формальным лидером, бюджетом и писаным уставом [Jankovski 1991; Koehler 2000; Venkatesh and Levitt 2000; Vigil 1988; Whyte 1943; Anderson 1999; Волков 2002; Стивенсон 2006].

В данной работе тбилисская «улица» будет рассматриваться как актор правовой и политической жизни Грузии. В частности, в первой части статьи речь пойдет об особенностях правосознания носителей современной грузинской уличной культуры, которые будут рассмотрены и истолкованы через призму действующих на «улице» представлений о мужественности и чести. Вторая часть работы будет посвящена взаимодействию между «улицей» и политическими силами государства, будут показаны пути возможного сотрудничества «улицы» с политическими элитами и выявлены факторы, как способствующие, так и препятствующие установлению этого сотрудничества. Основываться я буду на материалах полевой работы в Тбилиси в августе 2007 г., ноябре 2009 г. и январе—феврале 2010 г., на сообщениях в СМИ за последние семь лет, а также на материалах дискуссий на грузиноязычных Интернет-форумах.

Особенности правосознания носителей современной грузинской уличной культуры

Для городской Грузии позднесоветского (как минимум с середины 70-х гг.) и раннего постсоветского периодов можно констатировать правовой плюрализм, ситуацию, при которой в одном и том же социальном поле сосуществовали как минимум две правовые системы. В Тбилиси вплоть до последних десятилетий в качестве альтернативы государственному было широко распространено медиаторское судопроизводство, где посредником в урегулировании конфликтов выступала фигура, владеющая нормами уличного кодекса (используя эмические термины — воровскими или уличными понятиями). Такой фигурой часто становились, в зависимости от значительности разрешаемого конфликта и социального положения задействованных в нем участников либо квартальные лидеры, либо криминальные авторитеты — воры в законе или лица, стоящие на близких к ним ступеньках иерархии воровских статусов. Раньше государство закрывало глаза на существование городского обычного права (в действительности же носители государственной власти также к нему обращались). С приходом же к власти Саакашвили произошло, во-первых, официальное признание существования и действия в городе обычного права, во-вторых, была объявлена борьба с понятиями и со всей системой отношений, которая на них строилась.

При существовании альтернативного способа урегулирования конфликтов в тбилисской городской культуре сформировалось нега-

тивное отношение к институтам государственной власти вообще и к органам охраны общественного порядка в частности. Однако в последние годы, после Революции Роз, можно говорить об изменении общественных настроений: люди стали больше доверять государственным органам защиты правопорядка и, напротив, меньше обычно-правовым способам урегулирования конфликтов.

Я попытаюсь через призму тбилисской уличной культуры рассмотреть некоторые особенности этого сдвига и выделить те факторы, которые могли бы пролить свет на происходящие в обществе изменения. Поскольку я буду отталкиваться от уличной культуры, в первой части моего изложения мне придется разъяснить основные ее позиции.

Под грузинской городской уличной культурой я имею в виду вариант современной грузинской культуры, функционирующий и усваиваемый ее носителями прежде всего в городских квартальных сообществах по месту жительства. В сегодняшнем Тбилиси исключительно сильна локальная идентичность, основанная на принадлежности к конкретному городскому кварталу, в котором человек живет. «Я» и «мое», благополучие и честь которых следует считать неприкосновенными и которые подлежат защите, распространяются, помимо родственников и друзей, также на широкий круг членов квартального соседского сообщества. Среди старших участников квартальных групп выделяется лидер, которого называют квартальным «смотрящим». В значительной мере позиция смотрящего обусловлена его близостью и связями с тем или иным «авторитетом».

На улице системой координат, в рамках которой происходит определение правого и неправого, является уличный кодекс — воровские или уличные понятия, уже упомянутые выше. О них говорят как о «законе улицы» — наборе предписаний и норм, которые определяют «правила игры» в этом пространстве. Все, что идет вразрез с кодексом, считается «сучьим», и строго преследуется, иногда — вплоть до физического уничтожения. В рамках данного обсуждения я не ставлю перед собой задачи установить, тождественны ли или насколько близки нормы уличного кодекса блатному, то есть набору норм поведения, бытовавшему и бытующему в советских и постсоветских тюрьмах. Однако отмечу, что именно отождествление, или, как минимум, выведение уличных понятий из блатного кодекса, носителями культуры рассматривается как основание, определяющее его правовую силу.

Воровской мир и принятые в нем нормы еще недавно пользовались не только в городских уличных сообществах, но также и в грузинском обществе в целом значительным авторитетом. Сам образ вора, особенно для подростков из квартальных уличных сообществ, был привлекателен. Для ребят с биржи вор в законе — человек, обладающий властью, деньгами, привилегиями, человек, на которого хочется походить и к карьере которого стремиться. Многие подростки дейст-

вительно стремились к ней, не допуская в своем поведении ни одной «ошибки», которая могла бы преградить путь к воровскому званию. Подростков, обладавших высоким статусом в квартальных сообществах и стремившихся к воровской карьере, называли *kai* или *dzveli bichi* ('хороший' или 'старый парень'). Для обозначения набора качеств и стиля поведения, характерного и обязательного для *kai bichi*, используется термин *kai bichoba*. Другое понятие, имеющее исключительную важность в грузинской культуре, это концепция *vazhkatsoba*. Она суммирует представления о мужественности, мужской чести и, в отличие от *kai bichoba*, релевантна не только для улицы, но определяет образ «правильного» грузина вообще. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя концепциями мужественности в современной грузинской культуре, одна из них специфична для уличной культуры — это концепция *dzvelbichoba*, а другая, *vazhkatsoba*, актуальна для грузинской культуры в целом. В позднесоветский и раннепостсоветский периоды эти две концепции настолько сблизились, что стали почти тождественны.

Воровской мир и нормы поведения пользовались уважением не только у подростков. Многие информанты говорили о распространенности уличных понятий во всех слоях общества. На интернет-форумах, посвященных этой тематике, часто можно встретить замечания, что «по уличным понятиям живут 85 % грузин» [*kai bichoba*].

В одной из тбилисских газет автор статьи, посвященной тбилисской улице, обращается к читателю с вопросом: «Вам, наверное, часто приходилось слышать от отцов, что они растят из сыновей будущих воров и хотят, чтобы в будущем их сын пользовался большим уважением у „черных“?» [*kai bichebi*]. Можно сделать вывод, что в грузинской культуре быть вором или быть близким к воровскому миру для указанного периода престижно. Фигура вора или квартального лидера, а также уличный (или воровской) кодекс, которого они придерживаются, рассматривается как источник справедливости. Одновременно государству в справедливости отказывается. Приведу в качестве примера высказывание информанта: «Воровское — это правда. Эта правда не содержит десять заповедей. Речь о правде уличной жизни» [Тбилиси 2007. Интервью И.].

Можно было бы говорить о стойком неприятии официальных институтов власти и правопорядка, сформировавшемся в грузинском обществе в советские годы. Это тем более понятно, если учесть, что посты в государственных структурах всегда использовались теми, кто их занимал, для достижения неофициальных, недекларируемых целей (обеспечения личного благосостояния), и это было совершенно само собой разумеющимся и естественным. Логика «у государства свои законы, у нас — свои» оказывается вполне предсказуемым следствием сложившейся в советские годы в правовом поле ситуации. В выступлении по одному из грузинских каналов лидер христианско-демокра-

тической партии произнес: «Справедливость — вот то, что больше всего необходимо государству, больше чем любой другой закон». На мой взгляд, возможность подобных публичных высказываний из уст политического лидера довольно наглядно свидетельствует о том, что в представлении носителей грузинской культуры понятия «государственный закон» и «справедливость» лежат в разных плоскостях.

Сложению негативного образа государства и государственных правоохранительных органов способствовали также достигшая своего пика коррупция и самоуправство, царившие в полиции и судебных органах в гражданскую войну и в последующие годы. В этот период полиция фактически превратилась в одну из банд, действовавших тогда в Тбилиси, однако банды подчинялись закону улицы и отрицали *беспредел*, а полиция не была ограничена кодексом и средств не выбирала. Полиция занималась вымогательством денег, подбрасывая задержанным наркотики, с целью получить нужные показания прибегали к побоям и пыткам. Чтобы вернуть сына на свободу, родителям приходилось обращаться к помощи влиятельных родственников или знакомых, а если таковых не оказывалось, давать крупные взятки. Вопреки норме уличного кодекса, запрещавшего любое сотрудничество с государством, многие квартальные лидеры, потерпевшие неудачу в уличном сообществе, потерявшие уважение и доверие его членов, шли на неофициальное соглашение с полицией или просто вступали в ее ряды и зачастую мстили тем, кого обвиняли в своих неудачах. Работать в полицию также шли страдающие наркоманией в надежде найти хоть какую-то возможность добыть наркотики. Поэтому неудивительно, что органы охраны порядка не пользовались доверием у общества.

Помимо отказа в доверии, государству отказывалось также в праве на монополию силового ресурса. После абхазской и гражданской войн, а также, вероятно, отчасти в силу традиции иметь в личном пользовании оружие, известной в большинстве кавказских культур, у населения на руках оказались большие запасы вооружения. Приведу довольно красочную цитату:

Нужно было видеть в Новый Год, вот сейчас хлопают в хлопушки, а тогда было опасно выходить на балкон. Весь квартал стрелял в автоматы, какие-то ружья. Оружие очень легко можно было достать, кто-то за тридцать лари покупал, кто-то оружие менял на телевизор, кто-то закладывал в ломбард [Тбилиси 2009. Интервью Р.].

Распространенность и легкодоступность оружия, как кажется, еще больше ослабила позиции государства как обладателя монопольного права на принуждение.

Особенности правосознания, определявшие взаимоотношения с государственными органами контроля и подавления, в значительной

мере обусловлены представлениями о мужественности и чести в грузинской уличной культуре. Нужно учитывать, что отстаивание своей чести или чести близких, даже если используемые при этом средства идут вразрез с существующим в государстве законом, — неоспоримая добродетель мужчины.

Приведу характерный эпизод. В свой визит в одну из тбилисских школ Михаил Саакашвили произнес перед собравшимися речь о проблеме роста преступности среди подростков и, в частности, рассказал: «Позавчера в вышедшего после празднования Дня Рождения из подъезда восемнадцатилетнего мальчика выстрелили у всех на глазах, виновные убежали, но показания не дал ни один из присутствующих там молодых людей. Нелюди — это не только убийцы, но и те, кто это видел, кто только что перед этим клялся друг другу в любви, в том числе и убитому, а полиции даже слова не сказал о произошедшем. Они считают, что это было бы стукачеством» [saqartvelos prezidentma]. Глава государства неслучайно обратился в своей публичной речи к этому случаю и заострил свое внимание на стукачестве (он употребил именно это жаргонное выражение) — одной из самых одиозных форм нарушения норм уличного кодекса. Именно нежелание доносить оказывается одной из важных причин отказа от обращения в полицию. Я попытаюсь прокомментировать это, исходя из некоторых позиций современной грузинской городской культуры.

В представлении ее носителей обращаться за помощью в решении своих проблем в полицию — значит быть стукачом. Осуждение стукачества — краеугольный момент уличной культуры, донос — тягчайшая ошибка, которая может караться смертью. Осуждение доносов на друзей, знакомых, соседей, как кажется, не нуждается в объяснении — они осуждаются и в русской, и во многих других культурах. Но в грузинской уличной культуре как стукачество трактуется также заявление в полицию на незнакомого потерпевшему нарушителя. В сравнении с максимально социально далекой и враждебной обществу полицией находящийся «по ту сторону баррикад» нарушитель мыслится как социально близкий. Пострадавший находится с нарушителем в одном лагере противостояния государственным институтам принуждения. Нужно сказать, что обращение в полицию расценивается как «стукачество» не только в пределах норм уличного кодекса и ценностей *kai bichoba*, такая точка зрения распространена и в более широких слоях общества. Оно противоречит *vazhkatsoba*, то есть концепции мужественности в широкой грузинской культуре.

Отмечу здесь же, что дача свидетельских показаний воспринималась как действие, родственное стукачеству. В подростковой уличной среде само слово «свидетель» было табуированным, даже если подразумевался не свидетель в суде, а просто очевидец. Вместо слова «свидетель» надлежало использовать эвфемизм. Из интервью:

Нет, сказать слово «свидетель» можно было, но сказать человеку «ты свидетель» — это было оскорблением. Это приблизительно было то же самое, что сука [Тбилиси 2007. Интервью Д.].

Вторая причина отказа от обращения в полицию заключается в том, что уличной культурой оно трактуется как неспособность решать собственные проблемы. В свою очередь, тот, кто не способен сам за себя постоять, — не *vazhkatsi*, не мужчина. Нужно при этом отметить, что идее самостоятельности в решении своих проблем не противоречит возможность обращения к своему социальному ресурсу, приобретенному через разного рода связи, — будь то связи родственные, школьные, квартальные или какие-то другие. Как раз отсутствие у человека таких связей заставляет заподозрить его в чем-то неблагоприятном, настоящий мужчина должен их иметь.

Не обращаться в полицию — это норма, уметь же противостоять полиции — значит проявить особое мужество. Этот мотив звучит во многих интервью. Вот один из примеров:

Однажды я попал, так сказать, в облаву, и тот, кто пришел обыскивать, это в то время, когда я уже и задержан был КГБ (речь идет о конце 70-х; информант имеет в виду случай, когда его задержали за принадлежность к националистическому сепаратистскому молодежному кружку, он не выдал своих, что обеспечило ему большой авторитет на улице. — Е. З.)... у меня был какой-то авторитет и мне надо было показать моей этой (уличной группе. — Е. З.), что я что-то из себя представляю, и когда он пришел, я говорю, «подождите, покажите руки» — что в руках ничего нет и чтобы мне в карман не подбросили — и, «извольте, теперь обыскивайте». Ну, и это очень, очень положительно подействовало на членов моей группы, мой авторитет еще повысился [Тбилиси 2007. Интервью Д.].

Другие информанты подчеркивали геройское поведение в полицейских участках — свое или своих знакомых, отказ от дачи показаний, с гордостью рассказывали о случаях, когда им удавалось обмануть сотрудников охраны правопорядка. Такое поведение одобряется народной культурой, согласно канонам которой, оно достойно мужчины, свидетельствует о его мужестве и повышает его престиж. Интересно, что после приведенного пассажа информант заметил, что если бы он стремился к криминальной карьере, то было бы, может быть, даже лучше, чтобы ему подбросили наркотики и задержали, так как тогда у него появился бы необходимый для построения такой карьеры опыт заключения. К сходным выводам приходит Джули Петит в своей интереснейшей, на мой взгляд, статье о палестинской интифаде¹. Она

¹ И н т и ф а д а (от араб. *intifada* 'восстание') — борьба палестинцев с Израилем на оккупированных территориях.

показывает, что задержания палестинцев израильскими властями, лишение свободы и избияния в полицейских участках стали выстраиваться в палестинской культуре как ритуал перехода в статус взрослого мужчины, и такая форма инициации стала основным средством, вырабатывающим мужественность. После возвращения из заключения социальный статус молодых людей автоматически повышался [Peteet Julie 1994: 31—49].

В последнее пятилетие — после прихода к власти Михаила Саакашвили — государство стало предпринимать показательные меры борьбы против улицы и всей системы неформальных связей и теневой экономики, строящейся на «понятиях». И представителям политической элиты, и рядовым гражданам Грузии очевидно, что эта система насквозь пронизывает грузинское общество уже многие десятилетия. С точки зрения сегодняшней власти, вся эта система, составной частью которой является «улица», представляет собой инструмент коррупции и лоббирования своих интересов разными группировками криминальной части общества. Соответственно, провозглашается задача кардинальным образом изменить механизм поддержания порядка в обществе в целом и на улице в частности.

Одной из основных мер, предпринятых властью в этом направлении, является принятие законодательства в области борьбы с организованной преступностью и рэкетом, карающее как «членство в воровском мире», так и само ношение воровского звания. В области уголовного права появляется новая терминология — «вор в законе», «воровской мир и принадлежность к нему» и т. д. [saqartvelos sisxlis samartlis]. Членом воровского мира считается каждый, кто признает его авторитет и регулярно действует в пользу достижения целей воровского мира. Среди других предпринятых государством мер нужно назвать широкое освещение в прессе уголовных дел и приговоров, вынесенных ворами в законе и высоким чиновникам, обвиненным в коррупции, прокручивание по телеканалам сюжетов, изобличающих «аморальное» и несовместимое с «воровскими законами» поведение криминальных авторитетов. Из мероприятий, целью которых провозглашается снижение уровня преступности среди подростков, можно назвать программу «Безопасная школа», которая подразумевает меры, призванные усилить контроль над школьниками и повысить их правосознание. В числе этих мероприятий учреждение в школьной структуре позиции *mandaturi*, в чьи обязанности входит наблюдение за порядком и дисциплиной, обеспечение безопасности детей, предотвращение конфликтов и «превенция преступлений» в стенах школы и на примыкающей к ней территории, введение учебного курса, разъясняющего отношения несовершеннолетних с законом, усиление внимания к работе квартальных инспекторов с подростками и т. д. [dimitri shashkini]. Государство претендует на монополию на насилие и стре-

мится взять под свой контроль те сферы, которые раньше были вотчиной понятий и территориальных молодежных группировок.

Борьба с воровским миром становится предметом обсуждения. С ее результатами, «с заменой авторитетов патрульной полицией» связывают увеличение на улице *беспредела* — неконтролируемого ворами бандитизма [kaï bichoba]. По мнению носителей культуры, действие понятий и возможность обратиться в случае конфликтной ситуации к авторитетам тормозили насилие на улице, и особенно среди подростков. При этом в сегодняшнем грузинском обществе распространены представления о значительном снижении уровня преступности и коррупции. Я думаю, что не стоит полностью полагаться на объективность оценки информантами тех изменений, которые происходят в обществе. Во многом их представления формируются под влиянием средств массовой информации, которые в последние три-четыре года, говоря о всплеске преступности среди подростков, вызывают тем самым волнение в обществе, тогда как в действительности статистическими данными это не подтверждается.

Как кажется, гораздо интереснее те изменения, которые происходят сегодня на самой улице. Наблюдения и интервью позволяют говорить о начавшемся процессе разочарования в воровском мире как источнике справедливости, что повлекло за собой разочарование и в самих воровских понятиях. Записи, которые демонстрировало грузинское телевидение, показывали, что воры совершали поступки, несовместимые ни с *dzvelbichoba* или воровскими понятиями, ни с *vazhkatsoba* (такие, например, как сотрудничество с полицией, службами безопасности). Таким образом, «понятия» перестают ассоциироваться с *vazhkatsoba*, перестают быть мерилom мужественности не только в грузинской культуре в целом, но и в уличной культуре в частности. В формате уличной разборки больше не предлагают обращаться к нормам воровского мира, вместо «давай поговорим по-воровски» теперь предлагают поговорить «по-мужски». Предложение об обращении к вору или любой другой фигуре, чей авторитет опирается на близость к криминальному миру как к посреднику, теперь во многих случаях будет встречено смехом.

Информанты и сами осознают смену приоритетов среди молодежи, то, что «уличных понятий» уже не придерживаются последовательно. Приведу пример из интервью:

Сейчас очень редко, потому что такое правительство, уже редко увидишь *dzveli bichi* на улице. Сейчас трудно встретить человека, который был бы настроен на эту идеологию [Тбилиси 2007. Интервью Д.].

Подытоживая, приведу пример того, как у конкретных носителей культуры могут сталкиваться старые и новые представления. Однажды я попросила свою знакомую устроить мне интервью с сыном ее

подруги, которого несколько раз приговаривали к условному сроку заключения за нанесение ножевых ранений в драке и который пользовался, как говорила моя знакомая, большим авторитетом на улице. В ответ я получила отказ, мотивированный следующим образом:

Матери Зуры, наверное, не будет приятно, чтобы у сына брали интервью в связи с этой темой, хотя внутренне ей лестно, что Зура такой *vazhkatsuri*, но она знает, что это уже вышло из моды [Тбилиси 2009. Интервью М.].

Мужские квартальные сообщества в политической жизни Грузии

Революция Роз, а затем и массовые уличные протесты в Грузии последних лет характеризовались активным участием молодежи, ставшей одной из важнейших движущих сил возглавленного в начале 2000-х гг. Михаилом Саакашвили Национального движения — ныне правящей партии Грузии. Именно деятельность молодежного движения «Кмара» дала толчок первой на постсоветском пространстве цветной революции. Активное участие студенчества и молодежи в политических движениях было характерно и для советской Грузии, яркие тому примеры — движение за сохранение государственного статуса грузинского языка в 1978 г., национальное движение конца 80-х гг. прошлого века.

Исследователи молодежных уличных сообществ на материале разных культур описывают сложные и переменчивые отношения улицы с политикой и общественными движениями. В разных историко-политических контекстах улица оказывалась вовлеченной в националистическую, религиозную и революционную массовую деятельность. Нередко улица предлагала или была вынуждена предоставить властным элитам свою политическую и силовую поддержку. Один из первых описанных случаев обращения к уличному ресурсу при решении задач местной политики относится к Соединенным Штатам. Ирландская политическая организация Тэммени Холл в Нью-Йорке использовала мужскую культуру пабов и сообществ на углу улицы для достижения ирландского политического доминирования. «Помощь» групп молодых ребят на выборах координировалась и оплачивалась политиками и заключалась в целом спектре мероприятий — от похищения голосов до избития оппонентов. Яркий пример последнего времени — активное участие в националистическом движении палестинской улицы [Hagedorn: 264—267].

Принимая во внимание то значение, которое еще недавно имела «улица» как социальный институт в городской Грузии, а также степень вовлеченности в уличные практики молодых людей, сложно

представить, чтобы этот ресурс не был никак задействован и грузинской политической элитой. Несмотря на появление внушительного числа публикаций, посвященных участию молодежных движений в цветных революциях и других политических событиях в постсоциалистических странах, и в том числе в Грузии (см., например: [Nikolayenko 2007: 169—188; O'Beacha'ina, Donnacha and Poleseb 2010: 615—630; Mcglinchey 2009: 1137—1150]), автору не удалось обнаружить ни одной попытки разобраться, какие механизмы стоят за массовым вовлечением молодежи в политику, какие интересы преследуют все эти молодые люди помимо достижения целей и задач, провозглашаемых тем или иным движением. Попытаемся на примере города Тбилиси рассмотреть, каким образом осуществляется связь между политической элитой и улицей, какую роль в политической мобилизации молодежи играют «улица» и уличные лидеры, уличные сети.

Определяющим фактором здесь будет наличие как косвенных, так и прямых, причем часто генетических, связей между современной политической элитой и улицей. Часть представителей этой элиты начала свою карьеру с активного членства, иногда лидерства в вооруженных уличных группировках, «братствах». Эти братства возникли и активно действовали в Тбилиси в начале 90-х гг. и были продуктом трансформации квартальных сообществ в условиях слома основ государственности в годы гражданской войны в Грузии. Выросшие из традиционных для Тбилиси квартальных подростковых сообществ — досуговых групп, эти группировки (Кулинариэлеби, Боротэби, Иосебидзэлеби, Нуцубидзское братство и др.) тоже были организованы по территориальному принципу. Начав с мелкого и крупного рэкета, они уже в те годы занимались бизнесом. Приобретая значительную материальную базу, участники этих групп начали играть и на политической сцене, где некоторые из них сумели занять видные позиции. Плотное сплетение социальных сетей, характерное для грузинского общества, не позволяет скрыть такие биографические эпизоды. Аргумент «замешанности в сомнительных делах» используется оппонентами в борьбе за власть. Так, одного высокого чиновника обвинили в том, что у него были «хорошие отношения с Кулинариэлеби, это как минус, отрицательное... Ему пришлось доказывать, что он просто был знаком с Кулинариэлеби, но близок с ними не был, потому что жил тогда за границей» [Тбилиси 2011. Интервью Д.]. Представители более молодого поколения политической элиты, чья юность пришлась на годы, следующие за периодом активной деятельности братств, также прошли этот предписываемый тогдашним общественным мнением этап мужской социализации, то есть были вполне успешными в уличных сообществах молодыми людьми. «Те же наши министры, я их всех знаю... Они были обычными студентами, которые и на бирже стояли и все такое. Никакие не заучки, не такие, как те, кого мы называли коммуни-

стами, вот отличники, домашние червяки, которые не выходили из дома и дальше книжки ничего не видели. Они не были такими. Все они были достаточно такие, что понимали и *dzvelbichoba* и понятия и так далее» [Тбилиси 2011. Интервью Э.].

Таким образом, нынешним деятелям политической арены чаще всего на собственном опыте известны действующие на улице правила игры, они могут говорить с ней на одном языке и хорошо понимают, какие ресурсы она может предложить и как эти ресурсы использовать в собственных целях:

Эти типы, которые вот так подстраивались под эти ситуации, не прерывали связей вот с этими людьми, с которыми они были раньше (на улице. — *Е. З.*), и когда возникала необходимость вертели этими парнями [Тбилиси 2011. Интервью Д.].

В случае отсутствия прямых связей с «улицей» контакт может устанавливаться и через посредников, которые готовы выступить в качестве связующего звена между двумя мирами:

Приходят, но не сами (политики. — *Е. З.*), а те из этого убани, у кого с улицей есть связь: водитель депутата, родственник депутата, авторитет в убани [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

В каких случаях политические игроки последних десятилетий обращаются к уличному ресурсу?

Информанты говорят о двух типах событий, при организации которых может быть задействована улица. Во-первых, это выборы. Приведу отрывок из интервью:

Я же работала немного в (здесь опущено название партии. — *Е. З.*), просто потом, чтобы не зафиксировалась конкретная партия, там мои друзья, и они обидятся. Когда проводились выборы, все партии в убани имеют связь с этими убанскими парнями. И всегда выигрывает та партия, у которой довольно большие связи. И почему. Эти убанские парни — контролирующая сила. Во-первых, ты узнаешь (через них. — *Е. З.*), что думают люди, то есть кто за кого голосует и так далее. А потом эти убанские парни, у которых есть власть, влияют на этих людей, за кого проголосовать. И всегда выигрывает та партия, у которой в членах больше вот таких убанских парней.

Выполнить задачу отслеживания электоральных настроений и предвыборной агитации ребятам с биржи позволяет, во-первых, их включенность в соседское сообщество, во-вторых, наличие определенного веса в своей возрастной группе. Убанские парни, о которых говорят информанты, — сыновья и внуки соседей по кварталу, в старых малоэтажных районах Тбилиси их нередко знают по именам, в новых — хотя бы в лицо. Понятно, что они имеют доступ не ко всем

жителям квартала, а только к более или менее включенным в жизнь локального сообщества. В основном это будут сверстники и семьи сверстников:

Например, в убани я классный тип (*kai tipi*), меня парни уважают, убанские парни, и я говорю им, что я, братья, член этой партии, сейчас будут выборы, и эта партия должна победить, чего бы нам это ни стоило. Вы голосуете за эту партию, ваши члены семьи голосуют за эту партию [Тбилиси 2011 Интервью Э.].

В годы президентства Шеварднадзе силовой ресурс улицы использовался для фальсификации выборов — убанские парни опускали в избирательный ящик бюллетени с «мертвыми душами»:

Они вваливались, этот смотрящий (лидер биржи. — Е. З.) со своими парнями, может быть, они и не пускали в ход оружия, но когда ты знаешь, видел, что он разбойник, может быть, тебе сейчас голову проломит, они вваливались, кидали то, что им надо было кинуть, никто и голоса не мог подать [Тбилиси 2011. Интервью Э.].

Второй тип политических событий, в которых задействуется улица, — массовые протесты. Роль уличных лидеров в этом случае заключается в том, чтобы обеспечить или, наоборот, ограничить участие людей, на которых распространяется их влияние, в политических акциях. Так, например, автору рассказывали о том, как квартальный лидер, опираясь на свой авторитет, обеспечил неучастие в организованной оппозицией уличной акции молодых людей из своего квартала. Известный писатель-публицист Дато Турашвили в книге «Было и не было», посвященной студенческому национальному движению в Грузии конца 80-х гг. прошлого века, активистом которого был и он сам, вспоминает, что во время известных событий 9 апреля 1989 г., готовясь к столкновению с введенными в столицу войсками, студенты решили организовать отряды сопротивления по принципу квартальной принадлежности, так как «были уверены, что, расположившись таким образом, мы будем драться крепче и охотнее» [turashvili d.]. (Напомню, что речь идет о проходившей в Тбилиси многодневной антиправительственной акции грузинского Национального движения, подавленной 9 апреля 1989 г. по указанию Политбюро ЦК Компартии внутренними войсками и десантниками советской армии). Этот пример кажется очень показательным. Во-первых, он наглядно демонстрирует потенциал локальной квартальной идентичности. Несмотря на то что молодых активистов в рассматриваемом случае объединяли студенческие связи, а отнюдь не принадлежность к тому или иному квартальному сообществу, при организации отрядов сопротивления они созна-

тельно сделали ставку на чувство локального патриотизма². Во-вторых, этот эпизод выявляет потенциал «тбилисской улицы» как социального института. В данном случае он выражается в осознаваемой самими носителями культуры способности «улицы» к организации и мобилизации масс. В частности, в некоторых социально-политических контекстах квартальные мужские сообщества потенциально способны трансформироваться в боевые единицы. Предпосылки для этого процесса создают, в том числе, характерные для этих сообществ агрессивные практики маскулинности, в частности — коллективные драки. У молодых людей, выросших вместе в одном из тбилисских убани, уже есть опыт боевой самоорганизации. Об этом же пишет Ю. М. Ботяков применительно к Сухуми, где «высокая степень самоорганизации жителей активно используется официальными властными структурами. ...Жители кварталов г. Сухум представляют собой личный состав подразделений резерва абхазской армии, и именно он является ее наиболее боеспособной частью»³. Не имея опыта полевой работы в Сухуми, могу предположить, что «улица» как социальный институт устроена в этом городе сходным с Тбилиси образом.

При подготовке тех или иных политических событий, когда планируется привлечение квартальных лидеров и человеческого ресурса, который они способны предоставить, крупные политические партии практикуют организацию так называемых квартальных «штабов». Эти «штабы» призваны координировать деятельность «убанских парней». С этой целью в одной из квартир, расположенной в квартале, где собирается «биржа», членов которой планируется привлечь, организуется «офис». Например, «на Шанидзе была снята одна квартира, за которую платил такой бывший этот (биржевик), теперь уже состоятельный и с деньгами, и у него было прямо задание для них, он платил определенную сумму, снимал, в месяц раздавал этим парням по триста лари, и с утра до вечера они там дежурили... хороший офис, где свободно была выпивка, еда, то-се, вся такая... шпана ходила в этот офис, те, кто стоял в убани, и у них было прямо задание собрать голоса, сделать рекламу, запугать и все то, что им требовалось» [Тбилиси 2011. Интервью Д.].

Обратим внимание, что в данном случае коммуникация с «улицей» оказывается возможной благодаря наличию «уличного» опыта в

² Здесь нельзя не привести пример актуализации локальной квартальной идентичности во время августовской войны России и Грузии в 2008 г. От молодых людей, которые не пожелали примкнуть к числу отправившихся на фронт добровольцев, можно было услышать следующее объяснение своего решения: «Вот когда они (российские войска. — Е. З.) придут в Тбилиси, я выйду защищать свой убани».

³ На момент написания этой статьи текст Ю. М. Ботякова находился в работе.

биографии одного из политических деятелей. В приведенном примере квартальный «штаб» был создан во время проведения предвыборной кампании, информанты рассказывают также о практике использования таких «офисов» при подготовке уличных акций оппозиции:

Там они (убанские парни. — *Е. З.*) собирались, планировали, например, десять человек здесь встанет, десять человек там встанет с транспарантами [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Организация таких «штабов» — один из способов, к которым обращаются политические игроки, чтобы мотивировать «убанских парней» к сотрудничеству. Помимо денежного вознаграждения, они получают альтернативное уличному перекрестку, а также более комфортное место для собраний, им обеспечивается досуг, к тому же наличие «офиса» очевидно льстит самолюбию биржевиков. Обеспечение досуга использовалось, помимо материального поощрения, и для мотивации к участию в уличных акциях.

Было тоже... приехали украинки-активистки, в палатках, крутые девчонки. В общем, все что угодно делали, только бы у них были люди [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Убанскими парнями зачастую движет также расчет на возможное построение карьеры в рамках того или иного политического объединения. С учетом остро стоящей в Грузии проблемы безработицы, а также низкого престижа рабочих специальностей и работы в сфере обслуживания среди мужчин (особенно молодых), даже теоретическая перспектива возможных карьерных дивидендов может быть очень привлекательна для молодых людей с биржи.

Не стоит исключать и патриотические мотивы, которые могут воодушевлять даже тех молодых людей, которые первоначально шли на сотрудничество с политическими объединениями из других соображений. Один из информантов дает такой весьма пронизательный комментарий:

А потом аппетит приходит во время еды, потомходишь в эти мугамы⁴, когда ты там (то есть в политической организации, партии. — *Е. З.*) Мол, «моя Родина». Хотя бы в качестве щита тебе же нужно, что-то же нужно сказать, не будешь же говорить, что просто пришел карьеру делать. А потом, может быть, глубокоходишь в эти чувства, так что это становится частью твоей жизни. Ты себя убеждаешь, что ты правда патриот, что любишь Родину [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

⁴ М у г а м ы — слово принадлежит грузинскому сленгу, в данном контексте выражение, его содержащее, можно перевести как «Потом начинаешь во всем этом вариться». *Примеч. Е. З.*

Помимо добровольного участия в том или ином политическом событии может иметь место и результат прямого давления со стороны заинтересованных в уличной поддержке политических сил. Пример вынужденного сотрудничества представляет кратко упомянутый мной ранее случай, когда под воздействием квартального лидера убанские парни из его соседского сообщества не явились на оппозиционную уличную акцию. Инструмент давления на квартальных лидеров найти несложно — у большинства из них имеется в биографии какой-то факт, подпадающий под карающее действие государственного закона. Вот как рассказывает об этом случае информант:

Тут даже психологически... они же знают, что когда парня посадили, ему было двенадцать лет, а вышел в тридцать, отрубил там восемнадцать лет, какое значение для него имеет свобода, элементарно даже если ему дают понять, хотя бы слегка, что если ты так не сделаешь, у тебя будут проблемы с этой стороны, и это уже для него важнее денег и чего угодно... Если сегодня ты можешь выйти из дома и свободно ходить, иметь свой *sostavi* (группу друзей. — Е. З.) и перемещаться из убани в убани, то у тебя больше не будет такой возможности [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Нужно прокомментировать характер лидерства в сегодняшних уличных квартальных сообществах. В сознании убанских парней мужская соседская группа сверстников — сообщество равных, в ней нет эксплицитной иерархии. Убанский лидер — обычно неформальный авторитет, о его особом статусе в убани не говорят прямо, члены сообщества не признают наличие у него права каким-либо образом руководить убанскими парнями. Он не может отдавать распоряжений. Чтобы обеспечить неучастие в акции молодых людей из своего квартала, лидер сообщества может только косвенно на них влиять. Так, по словам информанта, «он и так знал, что ни у кого не смог бы попросить, чтобы... (люди не выходили на акцию. — Е. З.), но в целом распространились слухи, что ему вот так сказали, ну и разговоры, что кто его уважает...» [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Здесь нужно помнить и о воспринятом тбилисской улицей из воровского мира табу на любые формы сотрудничества с государством и на участие в политике. Еще недавно оно было одной из важнейших норм уличного кодекса. Несмотря на то что ассоциирующиеся с воровским законом установки все больше и больше теряют позиции в уличной идеологии, можно ожидать, что уличный лидер будет избегать открытого нарушения норм, которые осознавались еще несколько лет назад как стержень уличной культуры и уважение к которым считалось одним из достоинств настоящего мужчины.

Тем не менее в уличном сообществе периодически становится известно о связях между уличными лидерами и представителями поли-

тических элит. Это порождает распространение на улице толков о том, что «вся улица управляется сверху» [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Еще в начале 2000-х, в годы создания и активной деятельности молодежного движения «Кмара», участие в политических движениях в целом было на улице непопулярно. По словам одного из информантов:

В то время идти в «Кмару», это было что-то... Тогда авторитетами были воры, красть было более престижным, а «Кмара», и эти надписи, для меня лично... [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Автор не занимался специально историей и социологией «Кмары», но можно предположить, что молодежь, идентифицирующая себя с ценностями и нормами уличной культуры, занимала в нем скорее периферийную позицию, по крайней мере, ее точно не было среди официальных активистов и лидеров движения. Вместе с тем представляется, что убанские лидеры были связаны с движением, скорее всего, это были наиболее гибкие и дальновидные из них, те, кто смогли быстро сориентироваться в изменяющейся политической ситуации и оценить возможные выгоды, которые сулили эти перемены. Но позволить себе открыто участвовать в движении могли только те, кто умели лавировать между необходимостью соотносить собственные действия одновременно и с уличным кодексом, и с теми практиками, которые неизбежно требовали его нарушения. Остальные могли находиться лишь в орбите движения, сохраняя выжидательную позицию, однако все же извлекая при этом для себя некоторые выгоды. Вот как комментирует информант мотивы таких молодых людей:

Буду неприкосновенным, если буду с ним дружить, если в чем-то мне понадобится, я его использую. Ну, держишь хорошие с ними отношения, чтобы у тебя туда была дорога [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Однако всего несколько лет спустя сдвиг в уличной культуре, вызванный падением престижа воровского мира и ценностей воровского кодекса, сделал возможными не только участие в политике молодых людей, идентифицирующих себя с уличными ценностями молодых людей в политике, но даже, по словам информантов, определенную моду на вовлеченность в те или иные политические движения.

Пик включенности улицы в массовые акции, большей частью оппозиционные, активного вступления убанских парней в политические объединения пришелся на 2006—2008 гг. Однако, как можно заключить из данных интервью, в 2009 г. этот процесс пошел на спад. Нашумевшую благодаря яркости исполнения акцию оппозиции «Город камер» (в июне 2009 г. на центральных улицах Тбилиси были сооружены импровизированные тюремные камеры-клетки, которые, по замыслу оппозиции, должны были символизировать превращение Гру-

зии в полицейское государство) информанты называют последней яркой вспышкой этой активности.

Последний заряд высосал этот «Город камер», будто бы оппозиция могла спасти нашу страну, а сейчас люди уже ни во что не верят, все уже потеряли надежду. И нет никакого смысла вступать в партии [Тбилиси 2011. Интервью Б.].

Итоги

В последние годы грузинское государство ставит перед собой задачу подчинить и упорядочить улицу, сделать ее управляемой и подконтрольной, ликвидировать как альтернативную правовую систему. В том виде, в каком «улица» существовала до недавнего времени, она выступала как конкурент государства, предлагая альтернативные механизмы управления, регуляции, контроля. Распространенные на «улице» представления подразумевали негативную оценку государственных институтов правопорядка, государству отказывалось в доверии и справедливости — одной из важнейших ценностей уличной культуры.

Особенности правосознания носителей грузинской уличной культуры в значительной мере определяются характерными для нее представлениями о мужественности, мужской доблести и чести. Защита личной чести и чести сообщества, к которому принадлежит человек, — будь то семья, жители его квартала или круг друзей — является первостепенной обязанностью и добродетелью мужчины. Эта обязанность стоит выше долга законопослушного гражданина. Сотрудничество с государственными институтами правопорядка, в частности передача им какой-либо информации, трактовалось в уличной культуре как донос и оценивалось как тягчайший урон репутации информирующего. В ситуации взаимодействия с институтами правопорядка нарушитель и потерпевший склонны проявлять солидарность в первую очередь друг с другом, оставляя государство «по другую сторону баррикад». К тому же, предлагая свои услуги по контролю и принуждению, государство претендует на то, что традиционно считалось делом индивидуальной чести мужчины, превращая его, с точки зрения позиций грузинской культуры (в той или иной мере), в человека, не способного за себя постоять. Вместе с тем в последующие после Революции Роз годы можно констатировать рост доверия к государственным органам защиты правопорядка, в частности к полиции, и ослабление практики обычно-правового разрешения конфликтов «уличным путем».

Государству приходится принимать во внимание «улицу» и как возможный инструмент в руках политических сил. Так, в последние десятилетия улица была задействована как минимум в двух типах по-

литических событий — в ходе проведения выборов и в организации массовых политических выступлений. Эффективное использование улицы в организации этих событий становится возможным благодаря социальному капиталу участников уличных сетей, приобретаемому в том числе благодаря их включенности в квартальное соседское сообщество и позволяющему им мобилизовать значительные человеческие ресурсы. Солидарность, возникающая на базе локального патриотизма, может в критические моменты преобладать над другими солидарностями, что определяет значение чувства убанской гордости при использовании в политтехнологиях. Агрессивные практики маскулинности, присущие культуре квартальных сообществ, делают потенциально возможным создание на базе этих сообществ боевых единиц.

Установлению контактов между политическими силами и улицей и эффективному их взаимодействию способствует наличие «уличного» опыта у деятелей современной политической арены. Большинство из них способны говорить с «улицей» на одном языке или, по крайней мере, этот язык понимать. Однако нужно учитывать и факторы, оказывающиеся препятствием для налаживания сотрудничества улицы с государством и политическими элитами. Берущий начало в воровском кодексе запрет на сотрудничество с государством и участие в политике до последних лет был актуален и для грузинской уличной культуры, и, несмотря на резкое падение в последние годы престижа связанных с воровским кодексом установок, он все еще может служить фактором, влияющим на построение отношений между улицей и политическими институтами.

Литература

- Волков 2002: *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб.; М., 2002.
- Стивенсон 2006: *Стивенсон С.* Казанский левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // Отечественные записки. № 3 (29) (2006). Тема номера: Мир молодых. <http://www.strana-oz.ru/?numid=30&article=1265>
- Anderson 1999: *Anderson E.* Code of the street: decency, violence, and the moral life of the inner city. New York, 1999.
- Hagedorn 2006: *Hagedorn J. M.* Gangs and politics in Youth Activism: An International Encyclopedia, Lonnie R. Sherrod, 2006. P. 264—267.
- Jankovski 1991: *Jankovski M. S.* Islands in the Street: Gangs and American Urban Society. Berkeley and Los Angeles: University of California. Press., 1991.
- Koehler 2000: *Koehler J.* Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Münster: LIT Verlag, 2000.
- McGlinchey 2009: *McGlinchey E.* Searching for Kamalot: Political Patronage and Youth Politics in Uzbekistan // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61, nr. 7.
- Nikolayenko 2007: *Nikolayenko O.* The Revolt of the Post-Soviet Generation: Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine // Comparative Politics. 2007. Vol. 39, nr. 2 (Jan.).

O' Beacha'ina, Donnacha and Poleseb 2010: *O' Beacha'ina, Donnacha and Poleseb, Abel*. 'Rocking the vote': new forms of youth organisations in Eastern Europe and the former Soviet Union // *Journal of Youth Studies*. 2010. Vol. 13, nr. 5.

Peteet Julie 1994: *Peteet Julie*. Male Gender and Rituals of Resistance in the Palestinian «Intifada»: A Cultural Politics of Violence in *American Ethnologist*. Vol. 21, nr. 1 (Feb., 1994). P. 31—49.

Venkatesh and Levitt 2000: *Venkatesh S. A. and Levitt S. D.* «Are we a family or a business?» History and Disjuncture in the Urban American Street Gang. *Theory and Society*. 29 (4), 2000. P. 427—462.

Vigil 1988: *Vigil J. D.* Group Processes and Street Identity: Adolescent Chicano Gang Members. *Ethos* 16 (4). 1988. P. 421—445.

Whyte 1943: *Whyte W. F.* *Street Corner Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1943.

Ссылки

dimitri shashkini: “skola tsikhe ar aris” <http://www.mes.gov.ge/print.php?id=655&lang=geo> 01.12.2012.

saqartvelos sixxlis samartlis saprotseso kodeqsi: gamotsemulia 2010 tslis 10 noembris mdgomareobit, tb. 2010. 176 gv

kai bichebi tsud qvekanashi/ <http://presa.ge/print.php?i=3115> 25.04.2009.

kai bichoba, qurduli gageba /<http://forum.ge/?f=19&showtopic=33708587&st=15> 01.02.2012.

saqartvelos prezidentma mikheil saakashvilma sakhelmtsipo teqnukur universitetshi zhani kalandadzis sakhelobis auditoria gakhсна/ http://president.gov.ge/print_txt.php?id=341&l=G 14.08.2010.

turashvili d. iyo da ara iyo ra. tb., 2009, gv. 136

Полевые материалы автора (ПМА)

Тбилиси 2011. Интервью Б., м., 22 года, безработный.

Тбилиси 2007. Интервью Д., м., 48 лет, переводчик.

Тбилиси 2011. Интервью Д., м., 53 года, психолог.

Тбилиси 2007. Интервью И., м., 21 год, студент.

Тбилиси 2009. Интервью М., ж., 44 года, художник.

Тбилиси 2009. Интервью Р., м., 29 лет, служащий.

Тбилиси 2011. Интервью Э., ж., 30 лет, журналист.